

- Александр Блок

- «В огне и холоде тревог...»
  - «Когда мы встретились с тобой...»
  - «О, как смеялись вы над нами...»
  - «Да. Так диктует вдохновенье...»
  - «Земное сердце стынет вновь...»
  - УНИЖЕНИЕ
  - «Без слова мысль, волненье без названья...»
-

Александр Блок
СТИХОТВОРЕНИЯ 1911 ГОДА

«В огне и холоде тревог...»

В огне и холоде тревог —
Так жизнь пройдет. Запомним оба,
Что встретиться судил нам бог
В час искупительный — у гроба.

Я верю: новый век взойдет
Средь всех несчастных поколений.
Недаром славит каждый род
Смертельно оскорбленный гений.

И все, как он, оскорблены
В своих сердцах, в своих певучих.
И всем — священный меч войны
Сверкает в неизбежных тучах.

Пусть день далек — у нас всё те ж
Заветы юношам и девам:
Презренье созревает гневом,
А зрелость гнева — есть мятеж.

Разыгрывайте жизнь, как фант.
Сердца поэтов чутко внемлют,
В их беспокойстве — воли дремлют,
Так точно — черный бриллиант

Спит сном неведомым и странным,
В очарованья бездыханном,
Среди глубоких недр, — пока
В горах не запоет кирка.

Январь 1911 (6 февраля 1914)

«Когда мы встретились с тобой...»

Когда мы встретились с тобой,
Я был больной, с душою ржавой.
Сестра, сужденная судьбой,
Весь мир казался мне Варшавой!
Я помню: днем я был «поэт»,
А ночью (призрак жизни вольной!)—
Над черной Вислой — черный бред...
Как скучно, холодно и больно!
Когда б из памяти моей
Я вычеркнуть имел бы право
Сырой притон тоски твоей
И скуки, мрачная Варшава!
Лишь ты, сестра, твердила мне
Своей волнующей тревогой
О том, что мир — жилище бога,
О холоде и об огне.

Январь 1911 (8 марта 1915)

«О, как смеялись вы над нами...»

О, как смеялись вы над нами,
Как ненавидели вы нас
За то, что тихими стихами
Мы громко обличили вас!
Но мы — всё те же. Мы, поэты,
За вас, о вас тоскуем вновь,
Храня священную любовь,
Твердя старинные обеты...
И так же прост наш тихий храм,
Мы на стенах читаем сроки...
Так смейтесь, и не верьте нам,
И не читайте наши строки
О том, что под землей струи
Поют, о том, что бродят светы...

Но помни Тютчева заветы
Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои...

Весна 1911 (6 февраля 1914)

«Да. Так диктует вдохновенье...»

Да. Так диктует вдохновенье:
Моя свободная мечта
Всё льнет туда, где унижение,
Где грязь, и мрак, и нищета.
Туда, туда, смиренней, ниже,—
Оттуда зримей мир иной...
Ты видел ли детей в Париже,
Иль нищих на мосту зимой?
На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Всё не смела в твоей отчизне,—
Дай гневу правому созреть,
Приготовляй к работе руки...
Не можешь — дай тоске и скуке
В тебе копиться и гореть...
Но только — лживой жизни этой
Румяна жирные сотри,
Как боязливый крот, от света
Заройся в землю — там замри,
Всю жизнь жестоко ненавидя
И презирая этот свет,
Пускай грядущего не видя,—
Дням настоящим молвив: нет!

Сентябрь 1911 (7 февраля 1914)

«Земное сердце стынет вновь...»

Земное сердце стынет вновь,
Но стужу я встречаю грудью.
Храню я к людям на безлюдьи
Неразделенную любовь.

Но за любовью — зреет гнев,
Растет презренье и желанье
Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья, иль избранья.

Пускай зовут: Забудь, поэт!
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой
Уюта — нет. Покоя — нет.

Осень 1911 (6 февраля 1914)

УНИЖЕНИЕ

В черных сучьях деревьев обнаженных
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком).

Красный штоф полинялых диванов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...

Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука подлеца нажимала
Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверьми...
Разве дом этот — дом в самом деле?
Разве так суждено меж людьми?

Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно плат?
Что в твои обнаженные плечи
Бьет огромный холодный закат?

Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве это мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

В желтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать...
Еще тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...

Он не весел — твой свист замогильный.

Чу! опять — бормотание шпор...
Словно змей, тяжкий, сытый и пыльный,
Шлейф твой с кресел ползет на ковер...

Ты смела! Так еще будь бесстрашной!
Я—не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце — острый французский каблук!

6 декабря 1911

«Без слова мысль, волнение без названия...»

Без слова мысль, волнение без названия,
Какой ты шлешь мне знак,
Вдруг взбороздив мгновенной молнией знания
Глухой декабрьский мрак?
Всё призрак здесь — и праздность, и забота,
И горькие года...
Что б ни было, — ты помни, вспомни что-то,
Душа... (когда? когда?)
Что б ни было, всю ложь, всю мудрость века
Душа, забудь, оставь...
Снам бытия ты предпочла отвеса
Несбыточную явь...
Чтобы сквозь сны бытийственных метаний,
Сбивающих с пути,
Со знанием несказанных очертаний,
Как с факелом, пройти.

Декабрь 1911